

конструкции, от которого непосредственно образовать цепочку *ніякавець* – **ніякавы* – **ніякавасць* в современном белорусском литературном языке невозможно (*ніякавець* – *адчуваць няёмкасць*).

Зосіны шчокі нагрэліся і таксама палаюць [4, с. 28]

Зосіны шчокі таксама палаюць ад нагрэву.

(С одним и тем же существительным-подлежащим в исходной конструкции связаны два глагола-сказуемых, один из которых – каузальный детерминант – прошедшего времени, ЦН – настоящего).

А жнейкі жнуць. Іх твар палае. / Іх пражыць, сушыць смага тая, / Якую трудна ім здаволиць [2, с. 63]

А жнейкі жнуць. Іх твар палае ад смагі той, якая іх пражыць, сушыць і якую трудна ім здаволиць.

(В пределах сложного синтаксического целого (исходная конструкция) каузальным детерминантом является третье предложение, стоящее в постпозиции ко второму предложению, сказуемым которого выступает ЦН. При трансформации эти предложения преобразуются в сложноподчиненное предложение с придаточной частью причины).

Каузальные детерминанты могут быть материально не выражены, но подразумеваться в соответствии с содержанием контекста на уровне предложения, сложного синтаксического целого, части художественного произведения либо всего произведения, и в конечном счете – в соответствии с языковой картиной целого этноса.

В предложениях с прямой речью ЦН нередко входят в состав слов автора, и потенциальный каузальный детерминант можно определить, проанализировав семантику и интонацию прямой речи, а также слов автора: *Ён [Сцяпан] пачырванеў, дадаў жорстка: – Кулацкі сынок!* [5, с. 86]; *Мітрыхван пачырванеў, раўнуў: – Маўчы!!!* [5, с. 101]; *– Як ты кажаш бацьку! – пачырванеў Глушак* [5, с. 23]; *– Праўда?! – Глушак наліўся крывёю. – Маўчы! Шчаня!!!* [5, с. 295]; *– Чаго лезеш?! – закрычала [Маня], аж трасучыся ўся. Вочы яе былі чырвоныя, круглыя, рот шчэрыўся* [5, с. 86]. В приведенных примерах доказательством негативной семантики возможного каузального детерминанта (*ад злосці, ад абурэння*) могут быть: восклицательная интонация прямой речи; лексемы и словосочетания с негативной семантикой в составе прямой речи (*кулацкі сынок, лезеш, шчаня*); глаголы говорения с негативной семантикой, выступающие однородными с ЦН сказуемыми в составе слов автора, и зависимые от них наречия, характеризующие выраженные глаголом действия (*раўнуў, дадаў жорстка*), и др. Напротив, в предложении *Шумліва, з галасам каціла з вуліцы, праз грэблю, да царквы вясельная чарада, у якой на двух вазах сядзелі прыбраныя, заружавелыя маладыя – Хоня і Хадоська* [6, с. 506] выявляется потенциальный каузальный детерминант КН *заружавелыя* – *ад радасці, ад шчасця*, на что указывает семантика существительного *маладыя* ‘жених и невеста’, однородного с ЦН причастия-определения *прыбраныя* ‘приодетые’.

Таким образом, каузальные детерминанты, зависимые от КН современного белорусского языка с общей семой ‘приобретать цвет кожи’ представляют собой разветвленную систему языковых единиц различного уровня, имеющую структуру семантико-грамматического поля, ядром которой является конструкция ‘предлог причины + существительное’. В тексте каузальные детерминанты могут быть материализованными либо латентными, но обязательно выявляемыми на различных уровнях языка – от слова до языковой макрокартины целого этноса. Исследование предложенного языкового материала актуально в плане изучения философских, психологических, этических, культурных парадигм этноса, семантики языковых единиц различного уровня, разработки методов преподавания языка (в том числе как иностранного).

Літэратура:

1. *Быкаў, В. Збор твораў: у 6 т. / В.Быкаў. – Мінск: Маст. літ., 1994. – Т. 5: Кар’ер: раман; У тумане; Аблава: аповесці. – 432 с.*
2. *Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Якуб Колас. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – Т. 8: Паэма «Новая зямля». – 374 с.*
3. *Колас, Я. Збор твораў: у 20 т. / Якуб Колас. – Мінск: Беларус. навука, 2011. – Т. 14: Трылогія «На ростанях». Кніга трэцяя. – 429 с.*
4. *Крапіва, К. Збор твораў: у 6 т. / Кандрат Крапіва. – Мінск: Маст. літ., 2000. – Т. 3: Раман, н’есы. – 382 с., 4 л. іл.*
5. *Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1981. – Т. 5: Людзі на балоце: раман з «Палескай хронікі». – 415 с.*
6. *Мележ, І. Збор твораў: у 10 т. / І. Мележ. – Мінск: Маст. літ., 1982. – Т. 6: Подых навалыніцы: раман з «Палескай хронікі». – 573 с., 4 л. іл.*

КОДЕНЕВ М. А.

СТАРШИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КАФЕДРЫ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВ

ПОПЫТКИ ХРИСТИАНСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КАРТ ТАРО: ЭЗОТЕРИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСТВА ИЛИ ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ЭЗОТЕРИКИ?

Карты таро – феномен европейской культуры, с пока до конца невыясненным происхождением уже несколько столетий вызывает повышенный интерес эзотерических кругов. И если попытки эзотерической интерпретации христианства достаточно хорошо известны, то попытки выйти на диалог с герметической традицией со стороны христианства не столь многочисленны. Ниже представлены две стратегии включения опыта использования и толкования карт таро в христианском духовно-созерцательном и пасторском контекстах.

Первая из представленных парадигм принадлежит Валентину Томбергу (1900-1973) – автору книги «Медитации на Таро. Путешествие к истокам христианского герметизма». Сам Томберг был в контакте вначале с розенкрейцеровскими и антропософскими группами, затем (после эмиграции из Санкт-Петербурга в Эстонию в 1917 г.) – с Теософским обществом, которое вскоре сменил на членство в Антропософском обществе.

Родившийся в семье лютеран Томберг в 1945 году переходит в католицизм. Именно с позиций христианской теологии Томберг пытается найти в картах таро «вертикальную» составляющую. Самая известная его работа – вышеназванные «Медитации» написана в Лондоне, после войны и издана посмертно (по желанию автора – анонимно) в 1984 году. Примечательно то, что послесловие к книге (в русском издании отсутствует) написал авторитетнейший теолог Ганс Урс фон Бальтазар, обеспечив книгу внимание, которого она, возможно бы не получила. И хотя сам швейцарский теолог признается, что не совсем компетентен в представленной в книге области, и критически осмысляет каждый поворот мысли автора, но общая оценка сводится, скорее к тому, что мы не должны отвергать иной опыт духовности. «Эзотерическое христианство» даёт иную интерпретацию и углубляет христианскую духовность, являясь противовесом книжной потребительской эзотерике и злоупотреблением эзотерикой в массовой культуре, не отдаёт исследование внутренней духовности целиком на откуп псевдорелигиозным движениям. Томберг хочет переоткрыть истины христианства и открыть иные глубины христианской духовности через новый интерпретативный язык. Миссионерская цель христианских попыток использовать таро и эзотерические практики – это выстроить отношение индивидуума и Бога, построенные на христианской свободе. Однако, следует отметить, что работа Томберга получилась не совсем христианской. Обильные ссылки на каббалистическую и герметическую традицию воспринимаются и влияние языка штайнеровской антропософии все же не позволяют идентифицировать предложенные духовные практики как ортодоксальные (несмотря на то, что Томберг проводит параллель между своими медитациями и духовными упражнениями Игнатия Лойолы).

Христианский герметизм, как пишет Валентин Томберг – не является соперником религии или официальной науки. Однако, «заблуждают и те, кто видят в нём «истинную религию», «истинную философию» или «истинную науку». Христианские герметисты – не учителя, но слуги.» [1, с.6]. В христианском герметизме «никто никого не посвящает» [там же]. Только Бог – подлинный, единственный посвящающий и Учитель. Таким образом Томберг отстраняется от традиций мистического посвящения и переориентирует предложенные им практики герметической медитации на индивидуальный духовный опыт. Думается, что это одна из основных характеристик томберговского подхода к таро, очень характерного для европейской религиозной ментальности XX в. Христианским герметистом, однако, «можно быть лишь в той мере, в какой осознаётся глубина и высота универсальной традиции христианства» [1, с. 113], потому что христианский герметизм есть лишь один из аспектов Церкви, аспект измерения её глубины и высоты, а вовсе не тайное, скрытое от простых верующих учение. Предложенные Валентино Томбергом христианские медитации на карты марсельского таро, являются, на наш взгляд попыткой расширить арсенал дискурсивных способов интерпретации духовного опыта, посредством введения в христианский контекст иной семиотической системы – герметической философии, исторически, то сближающейся, от отдаляющейся от христианства. Такой опыт нельзя назвать очень удачным, потому что ни христиане, не приверженцы герметической традиции в такой интерпретации себя не узнают. Однако, следует отметить, что размышления над символикой карт не несет характер предсказательный или пророческий, но направлен всецело на духовное самосовершенствование практикующего.

Иную стратегию инкорпорирования традиции толкования карт таро мы найдем у немецких авторов Ули Лоренца и Михаэля Шлоссера в их миссионерском социально-педагогическом проекте «Библейское таро» [3]. Концепция изложена в их книге «Игры мудрости», которая сопровождается набором из 78 карт с символическими изображениями, отчасти совпадающими с традиционными изображениями карт таро, но целиком построенные на библейских сюжетах. Авторы подчеркивают, что карты не используются для предсказания или гадания. Цели тренинга с использованием карт «библейского таро» направлены как на индивидуальную, так и групповую психологическую терапию. Сами авторы так определяют цели своего проекта: помочь людям посредством выбора и созерцания изображений осознать к собственный жизненный проект и привести собственную жизнь в позитивную связь с верой; способствовать парам и малым группам в интенсификации их отношений друг с другом и Богом; сделать более доступными и приближенными к жизни библейскую историю, персонажей и символы; содействовать участникам в их самопознании, познании партнеров и актуализировать опыт переживания реальности [2, с. 12]. Целевая аудитория этого проекта – люди, использующие таро практики, но ищущие христианскую альтернативу оккультно-эзотерической интерпретации таро. Предложенные варианты раскладов и интерпретации «библейского таро» можно, по мнению авторов, использовать как в индивидуальной медитативной практике, так и в работе библейских групп, на уроках по религиозному воспитанию в школах, на занятиях по личностному росту или самопознанию [2, с. 12].

Колода «библейского таро» представляет собой традиционно 22 старших аркана и 56 младших арканов, разделенных на четыре масти. Все образы старших арканов соотношены с библейскими образами и образуют единую смысловую картину: от нулевой карты «Хаос» (соответствует текст из Быт.1, 1-2), следующей за ней картой «Творение» (Быт.1, 3-25), «Дитя» (Мрк.10, 13-16), «Пророк» (Иер.1, 4-10), «Завет» (Быт.9, 8-17) и т.д. вплоть и 21 аркана «Гармония», который символизирует завершение творения и которому соответствует текст из Откр.21, 9-22. Названия и нумерация старших арканов не совпадают с традиционными колодами таро. Как уже говорилось, авторы предлагают альтернативную оккультно-эзотерической стратегии интерпретацию карт: например, карта 17 «Справедливость» (что должно соответствовать 8 аркану в традиционных колодах) в «библейском таро» изображает не классическую фигуру женщины с завязанными глазами и весами в руках, но сцену из 1 Цар.3, 16-28: решение Соломона в споре о матери младенца. Карта 18 «Распятый» изображает распятие Христа и отчасти может по символике образов соотноситься с классическими арканами «Повешенный» и «Колесо фортуны», но, думается, библейская интерпретация не будет соответствовать классическому эзотерическому толкованию этих карт. Младшие арканы разделены на четыре «масти»: звезды, капли, камни и луны. При этом, каждая масть символизирует одного из библейских персонажей: Сара, Моисей, Пётр и Мария (интересно, что последнюю символику авторы связывают с «женой, облаченной в солнце»

под чьими ногами луна – Откр. 12, 1) соответственно. История жизни каждого персонажа изображена на 14 картах: десяти номерных и четырех старших картах, носящих названия Светильник (ассоциируется с Призывом, Просветлением, Рождением), Якорь (Поворотный момент жизни, Надежда), Рыба (Защищенность, Отечество, Покой) и Птица (Фантазия, Свобода, Избавление). В сопровождающей колоду книге, каждой карте, как старших, так и младших арканов, соответствует отрывок из Библии, несколько предложенных ассоциаций, а также вопросы для размышления и медитации. Из выпавших случайно при раскладе карт, практикующий, во-первых, учится видеть взаимосвязь библейской истории. Вторая задача «библейского таро» – терапевтическая (в духе юнгианской традиции): из комбинации образа, символа, библейского текста, игры слов и ассоциаций рождается медитация, соотносящая библейскую историю с жизненной ситуацией раскладывающего карты человека.

На наш взгляд проект Ули Лоренца и Михаэля Шлоссера является остроумным современным миссионерским проектом, с попыткой переориентировать эзотерические увлечения массовой культуры на христианский, библейский контекст. Оригинальным можно назвать способ, при помощи случайно выпавших карт увидеть новые, неочевидные связи в библейской истории и спроецировать их на собственные экзистенциальные вопросы. Однако, включение «библейского таро» в общую историю развития и толкования карт таро, а также «исследование совместимости таро и христианства» [2, с. 9] выглядит несколько искусственным, даже несмотря на робкие попытки авторов напомнить, что Антуан Курт де Жебелин был всё же протестантским богословом, а Элифас Леви был кандидатом в католическое священство, имея законченное теологическое образование. Скорее следовало бы назвать эту колоду метафорическими ассоциативными картами. Термин «таро» используется в проекте немецких христианских психологов скорее с «маркетинговыми» целями.

В заключение следует отметить, что обе рассмотренные нами попытки включить карты таро в арсенал христианской миссии, хотя и весьма различные по стратегии имеют одно важное сходство – обе они наследуют традицию интерпретации карт таро, которая получила свой импульс от юнгианской школы исследования эзотерических и герметических практик: образы и символы герметических наук используются в основном как практики самопознания, поиска и выстраивания собственной идентичности и жизненного проекта через ре-интерпретацию своей культурной и религиозной традиции.

Литература:

1. Томберг, В. *Медитации на Таро: Путешествие к истокам христианского герметизма* / В. Томберг. – М.: ООО Издательство «София», 2000 – 560 с.
2. *Spiele der Weisheit. 78 Tarokarten für Selbsterfahrung und biblische Meditation (Set)* / Uli Lorenz, Michael Schlosser. – München/CH-Neuhausen: Kösel, 1995. – 152 S.
3. *Biblisches Tarot [Electronic resource]*. – Режим доступа: <http://www.ulilorenz.de/biblischestarot.htm> /. – Дата доступа: 20.04.2017.

КОЛЯДКО И. Н.

АСПИРАНТ КАФЕДРЫ ФИЛОСОФИИ И МЕТОДОЛОГИИ НАУКИ ФАКУЛЬТЕТА
ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНЫХ НАУК БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОГО СОЗНАНИЯ И «СИМВОЛИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ» (ПОСТ)СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

Динамика глобализационных процессов развивается в направлении к углублению внутрикультурных противоречий, способствует эскалации конфликта традиций, ценностей и смыслов в контексте разворачивающегося полилога разных культурных миров. Становление глобального информационного общества оказывает существенное влияние на социальную структуру и культуру в целом. Одной из форм кардинального сдвига в контексте глобализации является феномен «детрадиционализации» [1, с. 176]. Очевидно наличие взаимосвязи между стимулируемыми глобализацией процессами детрадиционализации, затрагивающими многообразные стороны жизни общества и человека, с кризисными тенденциями социокультурного развития (пост)современных обществ. «Поскольку культурная традиция составляет «ядерную» константу культурной идентичности человека, – отмечает Д. Шульгина, – постольку деформация, разрушение традиционных установок в обществе всегда ведет к ее кризису» [1, с. 176]. Вместе с тем культурная традиция, благодаря наличию в ее составе глубинных смыслообразующих структур и систем ценностных ориентаций, выступает в качестве источника стабильности, основанием устойчивой социодинамики.

В тоже самое время мы являемся свидетелями масштабных парадигмальных трансформаций современной цивилизации, которые представляются настолько значительными, фундаментальными, что, по мнению Я. Яскевич, «подобно «осевой эпохе», ознаменовавшей начало всемирной истории, когда независимо друг от друга в различных местах – в Индии, Китае, Персии, Палестине, Древней Греции – рождаются мировые религии, философия, пробуждается метафизическая рефлексия и возникают духовные движения, сегодня человечество с неотвратимостью приблизилось к «современной осевой эпохе», когда для его выживания требуются обновленные нравственные ориентиры и духовные ценности» [2, с. 47].

Подобного рода надындивидуальные ценностно-нормативные ориентиры, критерии и параметры развития для конкретных локальных общностей полагаются мировоззренческими универсалиями, которые, в свою очередь, «задают систему координат, в рамках которой человек определенной культуры воспринимает, оценивает и переживает все явления и события окружающей его действительности»

[3, с. 253]. В этом смысле можно говорить о том, что любые социальные изменения и в целом характер